

Валентина Осеева

Динка прощается
с детством

ФТМ

Валентина Александровна Осеева
Динка прощается с детством
Серия «Динка», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183883
Динка прощается с детством: ФТМ; Москва; 2017
ISBN 978-5-4467-2930-2

Аннотация

«Динка прощается с детством» является продолжением известной автобиографической повести В.А. Осеевой «Динка». Динка повзрослела, но не изменился ее характер. Она по-прежнему непоседлива и любопытна, а зловещие и загадочные события, произошедшие на хуторе, куда Динка приехала на лето, не могут оставить ее равнодушной. Девочка клянется во всем разобраться.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	26
Глава третья	37
Глава четвертая	45
Глава пятая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Валентина Осеева

Динка прощается с детством

Дорогие мои читатели!

Повесть «Динка прощается с детством» является продолжением моей первой книги – «Динка». Думаю, что многие из вас знакомы с этой книгой, но на всякий случай коротко напомним вам основные события.

Действие повести «Динка» происходит в период после революции 1905 года. Отец Динки – революционер-подпольщик Арсеньев вынужден скрываться. Семья его живет на даче, на Волге. Здесь Динка знакомится с сиротой Ленькой, с которым на протяжении всей повести ее связывает большая дружба. С переездом семьи Арсеньевых в Киев у Динки появляется еще один друг и верный товарищ – Андрей Коринский, реалистик, мальчик, живущий в том же дворе, где живет Динка.

Весной по совету и с помощью партийных товарищей дядя Лека покупает для Арсеньевых уединенный, затерянный в глуши под Киевом хуторок, куда каждое лето после экзаменов переезжает вся семья. Хуторок служит и другим целям: там хранится нелегальная литература.

На хуторе у Динки завязывается дружба с дочкой

сторожа из экономии пана Песковского голубоглазой Федоркой и с ее приятелем Дмитро.

В последней главе «Ничейный дед» на хутор неожиданно приезжает повидаться со своей семьей Александр Арсеньев.

В первой книге Динка еще девочка десяти лет.

Вторая книга переносит вас уже во времена первой империалистической войны, и вы встречаетесь с Динкой, когда ей уже пятнадцать лет.

Узнаете ли вы свою прежнюю подружку, которая в этой книге прощается со своим детством?

В. Осеева

Глава первая

Приходят и уходят поезда!

Сизый дымок вьется над дачной станцией. Приходят и уходят поезда. Одни идут на Киев, другие из Киева... Тянутся длинные воинские эшелоны. В запыленные окна вагонов видны забинтованные головы, бескровные лица, туго стянутые монашеские косынки сестер и свешивающиеся с верхних полок солдатские одеяла. На площадках и на ступеньках вагонов сидят молодые солдаты с забинтованными обрубками рук и ног; прыгая на костылях и теряя стоптанную туфлю, жадно выглядывает из дверей раненый и, поймав сочувственные взгляды женщин, ухарски машет рукой. Паровоз с коротким свистком дергает вагоны, и эшелон медленно проплывает мимо, туда, на Киев... А навстречу ему уже торопится другой длинный состав товарных вагонов. В распахнутых настежь дверях теплушек стриженные головы, безусые молодые лица, рассыпанные по щекам веснушки цвета спелой ржи, молодые васильковые, карие и черешневые, притуманившиеся глаза. Сыплются из солдатских карманов запасенные дома подсолнушки, ухаает под тугими пальцами гармонь, и дружно из вагона в вагон подхватывается песня.

— Мене люды визьмутъ... тебе люды визьмутъ... Моя не будешь. Эх, жаль! Жаль!..

Исчезает вдали паровоз. Глохнет под стук колес песня. Долго смотрят вслед эшелону бабы с завязанными на затылках концами платков... Что делать? Война... Солдаты... Туда едут здоровые, многие ль вернутся хоть калеками... Не на гулянку едут хлопцы – на войну... Напал на родную землю германец, выставил проклятый кайзер Вильгельм законную в железо армию, вот и поспешают они, молодые, наспех обученные новобранцы, чтобы сложить свои головы за веру, царя и отечество... Эх, жаль... Жаль...

Война... А к маленькой станции, лязгая колесами, расшатанные пассажирские вагончики подвозят дачников. Выгружаются на платформу чемоданы и картонки, звенят детские голоса, среди встречающих и провожающих молодые нарядные женщины, мамушки, нянюшки, старухи... Подлетают к станции экипажи, пролетки; сбруя на лошадях блестит под солнцем начищенными бляхами, на высоких облучках степенные кучера в бархатных безрукавках. Тянутся вдоль железнодорожных путей нарядные дачи с высокими шпилями на крышах. Из летних кухонь вьется аппетитный дымок, на клумбах цветут розы... Не пустуют дачи; душно сейчас в городе, на зеленый корм, на широкий воздух рвутся люди... Прошла весна, уже давно похозяйничал в лесу ветер, помог он столетним дубам развернуть длинные клейкие листочки. Давно раскудрявились беленькие, словно умытые зимним снежком березки, загустел орешник, вытянулись новые побеги тонкой рябинки, на желтых стволах сосен заблесте-

ли янтарные капельки смолы. А за лесом, за экономией пана Песковского, в глухой глуши словно пристыл к земле арсеньевский хутор не шевельнет закрытыми окнами, не потянет уютным дымком, не хлопает наглухо закрытыми дверьми, не перекликается веселыми молодыми голосами...

* * *

Все эти годы, как только у девочек кончались экзамены, Арсеньевы переезжали на свой хутор. С первым весенним солнышком Динка начинала считать дни, оставшиеся до переезда. И каждый раз, обегая знакомые, дорогие ей местечки, удивлялась, как вырос и разросся сад, какая вкусная вода в холодном, обжигающем губы роднике, как ласково шумит ореховая аллея. Динка уверяла, что даже лягушки на пруду сразу узнают ее и, раздуваясь от крика, всплывают наверх... Но не только для Динки, для всех Арсеньевых переезд на хутор был всегда радостным событием, к которому исподволь готовились всю зиму, мечтая о летнем отдыхе. И каждый раз осенью, переезжая в город на долгие зимние месяцы, они грустно расставались с любившимся им хуторком. Динка, вспоминая о нем в холодный, снежный вечер, жаловалась, что все еще слышит стук молотка, которым Леня забивал окна и двери...

Арсеньевы никогда не держали сторожа. Затерянная в глуши между двумя селами хатка зимовала одна... Она стоя-

ла вдалеке от дороги, и только птицы, разгуливающие по саду, оставляли свои мелкие росчерки на запорошенных снегом дорожках да столетние дубы сбрасывали на крышу рыхлые комья снега, прикопившегося на их ветках.

Зато уж ранней весной, когда из прелой черной земли выбивались первые зеленые ростки, а на склонах железнодорожной насыпи появлялись незатейливые желтые цветочки, хутор начинал оживать наездами молодых хозяев.

Чаще всего это были Ленья и Вася; они приезжали сюда на воскресный день готовиться к экзаменам. Иногда с ними увязывалась Динка.

– Ну зачем она нам? – сердился Вася. – Земля еще сырая, наберет она полные галоши воды, да еще и простудится!

– Динка не простудится, – убежденно говорил Ленья. – Пусть побегает на воздухе!

– Но ведь мы же едем заниматься. Вечно ты что-то осложняешь, Леонид, ворчал Вася.

Динка делала постное лицо и, прикрывая ладонью румяную щеку, начинала жалобно причитать:

– Воздуха вам для меня жалко, да? Всю зиму я не дышу, посинела уже вся, а вам жалко?

Ленья прыскал от смеха, Вася смягчался:

– Ну поезжай. Только смотри не лезь куда попало и не мешай нам заниматься!

На хуторе, обегав все дорожки, Динка успевала навестить Федорку, наломать мохнатой вербы, провалиться в пруд и,

волооча за собой пальто, мокрая и грязная, просовывала свой нос в дверь, вызывая Леню:

– Лень, Лень... Не бойся, Вася, я сейчас уйду... Я только на минутку!

Схватив Леню за рукав, она тащила его за собой:

– Пойдем скорей! Понюхай, как пахнет земля. Смотри, уже листочки ландыша, а это будут фиалки... Вот приложишь ухом к земле... Послушай, что там только делается...

Леня ложился на землю, нюхал, слушал и, глядя в сияющие глаза Динки, со всем соглашался.

А Вася, стоя на крыльце, качал головой.

– Ну, вы, двое сумасшедших, где теперь сушиться будете?

Сушиться и ночевать Динку отправляли на печку в Ефимову хату. Ефим и Марьяна Бессмертные за все эти годы близкого соседства крепко подружились с Арсеньевыми.

– Лучше родни они нам, – говорил Ефим.

Зимой он часто ездил в город, привозил деревенские новости и подолгу сидел за столом с Мариной, опрокинув на блюде чашку и советуясь с ней обо всех делах. Перевозил на хутор тоже Ефим. Являлся он задолго до рассвета и, помахивая кнутом, торжественно говорил:

– Ну так что, поехали?

На хуторе были уже очищены дорожки, подрезаны кусты малины.

Марьяна, туго обвязав платком голову, загодя мазала стены, на полу стояли белые лужицы, гремели ведра, настужь

распахивались окна, со скрипом открывались отсыревшие за зиму двери; на дымящей кухонной плите булькала картошка. К приезду хозяев Марьяна выпекала свежий хлеб и встречала их на крыльце светленькой обновленной хатки с хлебом-солью на вышитом рушнике. Весь первый день девочки вместе с Леной и Васей занимались разборкой вещей, вешали занавески, наводили привычный уют.

Вечером все собирались на террасе за большим столом, с аппетитом ели горячую, пропахшую дымом картошку, запивая ее молоком, и, опьянев от весеннего воздуха, едва добирались до своих постелей.

Хутор был в трех верстах от дачной станции, Марине приходилось каждый день ездить в город на службу. Возила ее все та же одноглазая лошадь Прима, купленная в первое лето жизни на хуторе.

Бедная Прима в счастливую пору своей жизни была одной из лучших верховых лошадей. Она ходила под седлом грациозной поступью иноходца, и начищенная шерсть ее блестела как зеркало, но с тех пор как однажды колючая ветка ели хлестнула ее по глазам и один глаз почти совсем затянулся бельмом, Прима была выведена из конюшни и отправлена на черный двор.

К Арсеньевым она попала за небольшую плату, как уже мало на что пригодная лошадь. Но на хуторе Прима ожила. Она стала необходимым членом семьи. Динка не хуже заправского конюха ухаживала за ней: чистила ее, купала, ба-

ловала, кормила овсом, и благодарная Прима, забывая про свой слепой глаз, скова почувствовала себя верховой лоша-
дью.

Появился на хуторе и белый Динкин Нерон. Он был в большой дружбе с ефимовским Волчком. Обе собаки были мохнатые, пушистые и совершенно неизвестной породы. Но Динку это никогда не смущало.

– Дворняги еще умнее, – уверяла она.

И лошадь и собака зимовали у Ефима, но с появлением Арсеньевых они с восторгом возвращались на хутор, чтобы служить своим хозяевам.

Так незаметно бежали дни. Дождливую осень сменяла снежная зима, потом наступала весна и солнечное лето.

А годы шли...

Под окнами березки подросли,

Не раз к земле их буря пригибала...

И много событий произошло в семье Арсеньевых, с тех пор как озорная, веселая Динка в первый раз появилась на хуторе. События эти были нерадостными. Первым большим горем для всей семьи была смерть дедушки Никича. Особенно тяжело пережила ее Динка. Незащищенное сердце ее еще не могло и не умело мириться со своими потерями.

Когда Никич умирал, Динке все казалось, что смерть не придет за ним, если она, Динка, будет его сторожить... Она перестала спать по ночам и, встав с постели, тихо брела по

темному коридору на свет ночника. В комнате Никича всегда горела печка, дверцы ее были открыты, поленья уютно потрескивали. Никич, обложенный подушками, полулежал в своем любимом «Сашином» кресле. Сухонькая фигурка его, закутанная в одеяло, казалась совсем детской; седая голова на тонкой исхудавшей шее покоилась на подушке. Никич никому не позволял дежурить около него ночью; на столике рядом с креслом всегда стояло приготовленное ему на ночь питье и порошки от кашля. Казалось, все в доме спали, но стоило только старику закашлять, как из спальни неслышно появлялась Марина. Леня давно уже отвоевал себе право ставить свою раскладушку в комнате Никича, Мышка оставляла на столике звонкий школьный колокольчик и брала с Никича слово звонить, если ему что-нибудь понадобится. Старика утешала и расстраивала забота домашних, особенно трогала его Динка.

– Ну, чего бродишь, полуношница? – тихо спрашивал он, завидев при свете ночника жалкую фигурку в длинной ночной рубашке. – От смерти, что ли, убережь меня хочешь?

Динка дрожащими руками обвивала худые плечи старика, прижималась щекой к его щеке:

– Убережь хочу...

– Ох и глупая ты... Как только жить будешь?

– Вместе будем... – всхлипывала Динка.

– Да где же нам вместе? Я свое отжил, до самого края дошел. Вишь, ноги уже не держат. А тебе еще жить и жить...

– Не надо мне, ничего не надо. У меня сердце разрывается... – уткнувшись в его плечо, плакала Динка.

Никич с усилием поднимал ее голову.

– А ты послушай меня. Мы ведь столько с тобой разговоров переговорили. Бот еще какая махонькая ты была, а понимала меня. И теперь пойми... От смерти никуда не денешься. За себя мне не страшно, за вас страшно. Мать твою мне жалко. И ты не плачь, не тревожь ее. Смирись, девочка.

Никич замолкал. Пламя от печки, разливая по комнате таинственный свет мягко колебалось, как будто кто-то тихо взмахивал легким и прозрачным шарфом, бросая на стены то синие, то красные тени. От этих неслышных взмахов свет в ночнике дрожал и колебался, вытягиваясь длинным красным язычком. Казалось, вот-вот он вытянется в последний раз, мигнет и погаснет. Никич тяжело дышал, в груди его что-то хрипело, рука, гладившая Динкины волосы, бессильно падала на колени.

– Иди... Помни, что я тебя просил...

Динка молча кивала головой, слова застревали у ней в горле, ноги не слушались.

– Ну, ну... – ободряюще улыбался ей Никич. – Ты ведь папина дочка.

Один раз, задержав ее руку, Никич сказал:

– Запомни слова мои. Всякий человек в жизни должен быть стойким. А тебе это особо надо. Ты ведь во все суешься. Вот и вспоминай почаще: Никич, мол, велел мне быть вдвое

стойкой...

Слова Никича навсегда остались в памяти Динки. В самые трудные минуты своей жизни она вспоминала их с грустью и благодарностью. Но не успела еще осиротевшая семья оправиться от потери старого друга, как пришла новая беда. Однажды под осень, когда Арсеньевы уже собирались переезжать в город и сидели на террасе среди сложенных вещей; на хуторе появился редкий гость – Кулеша. Он появился, как всегда, неожиданно, словно вырос перед глазами. И все сразу замерли в предчувствии беды. Одна Марина не растерялась.

– Что-нибудь случилось, Кулеша? – спросила она.

Кулеша снял шапку, вытер вспотевший лоб.

– В этот раз я плохой вестник, – сказал он.

Мышка, словно защищаясь, подняла руку, Динка вскочила, у Алины упало сердце. «Отец...» – с ужасом подумал Ленья и встал рядом с матерью. Но она только спросила:

– Он жив? Говорите сразу.

– Ну что вы, что вы... – замахал руками Кулеша, и мать с улыбкой оглянулась на детей.

Никогда не забудут дети эту строгую улыбку на белом и холодном как снег лице матери.

– Он арестован, – сказал Кулеша и стал рассказывать, а Марина слушала его, задавая короткие вопросы, и, глядя на мать, никто из девочек не проронил ни одной слезы.

Судили Арсеньева в Самаре. В этом городе, еще молодым инспектором «Элеватора», он был душой и организатором бастующих рабочих, здесь его бесстрашный и гневный голос поднимал их на борьбу с самодержавием.

В день суда огромные толпы народа загрозили улицы... К Марине, приехавшей на суд с Леной, из толпы рабочих вышел старый элеваторский рабочий Федотыч.

– Не бойся ничего, Арсеньевна... Рабочий класс не выдаст... Нас много, сказал Федотыч.

Марина молча пожала ему руку.

Она ждала всего, самого худшего... Но молчаливая угрожающая толпа рабочих, тесно окружившая здание суда, сделала свое дело... Правительство не решилось вынести смертный приговор; Арсеньев был присужден к десяти годам одиночного заключения с последующей пожизненной ссылкой...

Марина вернулась измученная, но не упавшая духом, такая же, какой всегда знали ее дети.

– Не плачьте, – сказала она. – Революция откроет все тюрьмы!

Прошла первая тяжелая зима. Арсеньев отбывал заключение в Самаре. Знакомый Марине старый надзиратель тюрьмы тайком передавал Арсеньеву с воли записки, книги... То-

варищи носили передачи... Отец писал ласковые успокаивающие письма...

Жизнь постепенно вошла в свою колею, но Арсеньевых ждало еще одно семейное горе...

Окончив гимназию, как-то неожиданно заневестилась и вышла замуж Алина... Муж ее никому не нравился, в семье Арсеньевых он казался чужим пришлым человеком, но ни слезы сестер, ни уговоры матери не подействовали на Алину, и сразу после свадьбы она уехала с мужем на Дальний Восток, в чужую ей семью. И только прощаясь со своими уже на перроне, Алина вдруг испугалась предстоящей ей разлуки и, бросившись к матери, горько заплакала.

– Алина, голубка моя!.. Еще не поздно, вернемся домой... – уговаривала дочь Марина.

– Домой, домой! Алиночка, родненькая, пойдем домой!.. – цепляясь за сестру, умоляла Динка.

Мышка молча плакала, роняя слезы на свадебный букет. Леня бросился в вагон за Алининым чемоданом... Муж Алины, стоя на подножке, задержал его.

– Я не понимаю, что здесь происходит? – холодно сказал он и, подойдя к Алине, взял ее за руку.

Алина вытерла слезы и пошла в вагон. Поезд отошел. Осиротевшая семья долго стояла на перроне, глядя на исчезающие вдали красные огоньки. И снова кое-как наладилась жизнь, только за столом опустело место старшей сестры да на светлом лице Марины прибавилась новая глубокая морщин-

ка. Жить становилось трудно. Фирма «Реддавей», где служила Марина, после ареста мужа уволила ее. Мышка, окончив семь классов гимназии, пошла на краткосрочные курсы сестер; Леня поступил в университет и целый день бегал по урокам; Динка училась. Ей не удалось сдержать свое обещание учиться только на пятерки. Она получала пятерки только по тем предметам, которые любила, а любила она, по ее собственному выражению, «больше всего на свете» уроки словесности и своего учителя словесности.

– Василий Иннокентьевич уважает чужие мысли, – важно говорила она дома. Он никогда меня не одергивает... И вообще... – Динка обводила взглядом своих домашних и многозначительно добавляла: – Василий Иннокентьевич знает, кого нужно ругать, а кого хвалить.

О себе она, конечно, думала, что ее нужно хвалить, и тогда она «горы своротит». Учитель словесности читал вслух ее сочинения и ставил ей красным карандашом жирные пятерки. Динка очень гордилась похвалой любимого учителя, но, стараясь не показать этого дома, придя из гимназии, словно мимоходом говорила:

– Василий Иннокентьевич опять читал в классе мое сочинение, и что ему там понравилось, не знаю...

Зато уж по другим предметам, по математике и особенно по алгебре, Динка даже с помощью Лени с трудом добывала четверки, а иногда, скатываясь до тройки, сердито говорила:

– И кто это придумал так крутить человеку мозги... Ну

еще геометрия туда-сюда... Там хоть теоремы, их каждый дурак может наизусть запомнить. Ну, физика еще ничего, там опыты интересные, а уж алгебра – это прямо издевательство.

Шел второй год войны. После рождественских каникул ушел на фронт Вася. В семье прибавилось новое беспокойство, Динка выбегала на улицу и подолгу стояла у ворот в ожидании почтальона. Писем ждали теперь не только от отца и Алины, ждали с нетерпением серых, солдатских треугольников от Васи...

Письма читали сообща, тревожно вслушиваясь в короткие, ласковые строчки, пытаясь проникнуть в то, что сознательно или бессознательно скрывалось под этими успокаивающими строчками... Во всех письмах, часто против воли писавшего, слышалась тоска по семье, по близким людям и привычному уюту.

Всю зиму Марина рвалась в Самару навестить мужа. Устроиться на службу она так и не смогла: нигде не принимали жену политического «преступника», отбывающего наказание в тюрьме. Бесплодные поиски места и тревога за мужа подорвали силы Марины, поддерживала ее только тесная связь с «Арсеналом», где она часто проводила собрания и вела кружок, обучая рабочих грамоте. Через отца Андрея Коринского Марина близко познакомилась с новыми товарищами, работающими в «Арсенале», печатала дома прокламации и с помощью Лени широко распространяла их на фаб-

риках, заводах и в казармах между солдатами. Уехать было нелегко, но все же весной, перед самыми Динкиными экзаменами, Марина уехала в Самару. Леня, по рекомендации Марины, также пользовался доверием старших товарищей и нередко получал от них тайные поручения. Чаще всего это были поездки для установления связи с рабочими и железнодорожниками ближайших городов. В этот раз, после отъезда Марины, Леню послали к гомельским железнодорожникам. Дом опустел, Мышка уже работала в госпитале и часто оставалась на ночное дежурство.

Но Динка не скучала, у нее была одна мечта: выдержать с честью переводные экзамены в восьмой класс и уехать на хутор!

Бросив на стол целую кучу приготовленных заранее билетов, Динка вытаскивала по одному билету и, зажав пальцами уши, зубрила или, поглядев на часы, бежала вниз по лестнице звать на помощь своего давнего приятеля Андрея. Андрей, окончив училище, по желанию своего отца работал в «Арсенале». Но Динка не давала ему времени даже на обед.

– Ну что ты себе думаешь? Не идешь и не идешь! Ведь я же могу провалиться из-за тебя! – сердито обрушивалась она с выговором на запоздавшего приятеля.

– Так я же работаю... – слабо оправдывался Хохолок, собирая разбросанные по столу билеты.

– Вызывай меня! – командовала Динка.

Выдержав последний экзамен и почувствовав себя вось-

миклассницей, Динка забросила в угол все учебники и стала собираться на хутор.

– Ну что мы там будем делать одни? Мамы нет, Лени нет. Подождем хоть Ленью, – уговаривала ее Мышка.

– Нет, нет! Я никого не буду ждать! Уже столько хороших дней пропало! Пошли открытку Ефиму, и начнем складываться!

Динка уверяла, что уже давно-давно, как только началась весна, ей каждую ночь чудятся паровозные гудки и маленькая дачная станция...

– Я слышу, как приходят и уходят поезда, – с тоской повторяла она.

Мышка вызвала Ефима.

* * *

Приходят и уходят поезда... А в экономии пана Песковского ждет не дождется свою городскую подружку дочка сторожа, голубоглазая Федорка.

– Мамо, – говорит она, – чего ж так долго нема Динки? Я сбегая до дядьки Ефима, спытаю, когда он за вещами поедет.

– Да ты ж бегала, доню, не одного разу уже бегала! Не можно так надоедать людям! Никуда она не денется, твоя Динка, нема чего таку панику бить! – сердито двигая в печи ухватом, выговаривает дочке Татьяна.

Но Федорка решительно срывает с шестка платок.

– Вам усе паника, мамо... А я Динку с самой осени не бачила...

– Не бачила и не померла, слава госпуду. Подруга – не мать! Як бы ты за родной маткою так скучала...

– А чого меня за вами скучать, как вы у меня каждый день перед глазами, дерзко отвечает Федорка, идя к двери.

– Ось я тобі покажу – перед глазами!.. – выскакивая на крыльцо, кричит мать. – Федора! Вернись зараз! Ох ты ж языкастая девка! Вернись, кажу!..

Но крепкая, приземистая фигурка уже скрылась в кустах. Федорка бежит узенькой тропкой за огородами, минует экономию и, выскочив на пригорок, где круто сбегает вниз белая, глинистая дорога с выщербленными колеями, смотрит на верхушки вековых дубов, где чуть виднеется крыша Динкиной хаты.

– Нема... – качает головой Федорка и, повязав потуже концы платка, степенно сворачивает на дорогу, ведущую к хате Ефима и Марьяны Бессмертных.

Маленькая белая хатка живет хлопотливой хозяйственной жизнью. По двору бродят три курицы с красным петухом, около тына мычит привязанная корова. Навстречу Федорке выскакивают два лохматых пса. Черный, хозяйский Волчок и белый любимец Динки Нерон.

– Нерончик, Нерончик... – лаская белого пса, приговаривает Федорка, проходя в хату.

За столом, покрытым чистой домотканой скатертью, си-

дит Ефим и со вкусом ест из глиняной миски зеленый борщ.

– Ну здравствуй, Федорка! – усмехаясь в усы, говорит он, поддерживая ложку краюхой хлеба. – Сядай за стол, гостьей будешь!

– О! Федорка! Зачем прискакала? – весело откликается, гремя подойником, Марьяна и, склонив голову набок, смеется. – За подружкой скучаешь?

– Скучаю, – смущенно улыбается Федорка и, присаживаясь на скамейку, испытующе смотрит на остриженные в кружок темные кудри Ефима с тонкими серебряными ниточками, на загорелый лоб с белой полоской от шапки и на опущенные вниз лукавые голубые глаза.

– Ну, что ж ты молчишь, Ефим? – с живым любопытством спрашивает мужа Марьяна.

– А що мени казать? – притворяясь непонимающим, зачем прибежала Федорка, равнодушно говорит Ефим.

– А вы, дядько Ефим, ще не едете в город? – робко спрашивает Федорка.

– В город? – почесывая в затылке, переспрашивает Ефим. – А что мне там делать, в городе?

Марьяна, подперев рукой щеку, тихонько посмеивается.

– А по вещи по Арсеньевых вы не едете? – с волнением повторяет Федорка.

Ефим зачерпывает полную ложку борща и, не спеша, несет ее ко рту.

– Ни, – односложно отвечает он, но Марьяна, всплеснув

руками, хохочет:

– От вредный! Ну и вредный же ты, Ефим! Чого дивчинку дразнишь?

– Дядечко Ефим... – сложив руки, умоляюще шепчет Федорка.

– А вот бери ложку и хлебай борщ, тогда я тебе и скажу, чи еду, чи не еду! – смеется Ефим.

– Да едет он, едет... Вон уже и овес для Примы насыпал... К ночи там будет, а утром вещи погрузит и обратно... Только кто тут будет жить? – качает головой Марьяна.

– А Динка? – пугается Федорка.

– Ну, Динка – это уж беспрременно, – говорит Ефим, подвигая к Федорке миску. – Динка да Мышка, а больше и жить тут пока некому. Вася на фронте. Леню куда-то по делам послали, а сама к мужу поехала у Самару – это город такой, на Волге стоит...

– А чего ж она поехала? – аккуратно черпая ложкой борщ, спрашивает Федорка.

– Ну, это ихнее дело... Нас оно некасаемо... Ну, а подружку завтра встречай! – поднимаясь из-за стола, говорит Ефим.

– Ой, боже мой! Чого ж она так долго не ехала? – всплескивает руками Федорка.

– А чего долго? В восьмой класс переходила, это тебе не в ляльки играть... Ученье, для его тоже время надо... – обстоятельно объясняет Ефим, сгребая с лавки приготовленную одежду. – Эй, Марьянка, живо дои корову! Я пошел за ко-

нячкой! А ты, Федорка, извиняй, бо не рано уже. Сиди, сиди!
Доедай борщ! Зараз Марьяна парного молочка принесет!

– Спасибо, я побегу! Меня matka дожидает! Ой, дядечко,
перекажите Динке, что я ее завтра в лесу встречать буду! –
убегая, кричит Федорка.

Глава вторая

Сборы на хутор

Динка сидит над своим ящиком, разметав по полу выющиеся концы своих длинных кос.

«Уже вечер, – думает Динка. – А Ефим придет ночью... Я ничего не успею... Надо брать только самые нужные вещи... Сначала книги...»

Динка разбирает горку книг, долго вертит каждую в руках. «Вот это возьму... вот это возьму...»

Динке всегда кажется, что за лето она перечитает множество книг. Но это только благие намерения: из кучи набранных книг она едва ли прочитывает две-три, а остальные привозит обратно даже нераскрытыми. Это повторяется каждую весну. То же происходит и теперь; ящик быстро наполняется, и Динка вынимает книги обратно, оставляя только самые необходимые. Вот, например, Чернышевского «Что делать». «Ведь это совершенно необходимо прочесть, – думает Динка. – Мне уже пятнадцать лет, а я еще не читала такой книги. Уже многие девочки в моем классе читали, а я только вожу ее в ящике на хутор и обратно. Просто безобразие какое-то...»

В Чернышевском больше всего привлекает Динку не содержание книги – о содержании она знает только понаслыш-

ке, а главное то, что книга эта «вполне взрослая». Да еще в памяти Динки свежо хранится портрет Чернышевского, висевший в пустой кухне после отъезда Лины...

Динка помнит, как по утрам бежала она в Линину кухню с тайной надеждой, что Лина вернулась. Но Лина не возвращалась, и, открыв осторожно дверь, Динка останавливалась на пороге, осиротевшая и несчастная. И вот тогда из угла, где висела раньше Линина икона, смотрел на нее Чернышевский... У него было такое благородное, тонкое лицо и что-то такое в глазах...

«Он все понимал...» – растроганно вспоминает Динка и осторожно кладет книгу на самое дно ящика. За Чернышевским следует сборник рассказов Чехова и «Белый клык» Джека Лондона, а между ними проскакивает Майн Рид и Диккенс. Все эти книги уже читанные, но любимые. Стихи Ахматовой и Блока Динка не укладывает в свой ящик: для поэтов всегда найдется место у Мышки. Особенно для Ахматовой и Блока.

– А остальных я просто положу ей, например. Северянина, а то Мышка может его не взять...

Динка проходит на цыпочках мимо спящей сестры, на минутку вглядывается в бледное, усталое лицо Мышки.

– Ей давно на воздух надо, – шепотом говорит она и, заметив в зеркале свои тугие щеки с оранжевым румянцем, недовольно дергает плечом. – Ну мало ли что... Мне тоже надо!

Развязавшись с книгами, Динка усаживается на пол и с

удовольствием разворачивает сверток с гостинцами. Гостинцы надо уложить в первую очередь. Вот, например, платочек для Федорки. Динка встряхивает платок, и по белому полю разбегаются голубые букетики. Динка так и видит между ними круглое лицо Федорки и лукавые звездочки ее глаз с густыми загнутыми ресницами. Динка прижимает к лицу платочек. Ей кажется, что он уже пахнет нагретой солнцем травой и полевыми цветами... За платочком следуют еще гостинцы Федоркиной матери, братикам Федорки, сестричкам и тому новорожденному, который каждый год появляется в Федоркиной хате.

Динка любовно укладывает в ящик все эти вещицы, собранные ею в течение долгой зимы... Кроме хуторской подружки, есть у Динки еще один дорогой ей человек. Это деревенский музыкант, Яков Ильич.

Динка кладет в ящик коробочку с канифолью и видит перед собой знакомое бледное лицо музыканта, поднятый смычок и прижатую к подбородку скрипку.

«Ах как он играет, как он играет...» А она, такая дуреха, только в последнее лето по-настоящему оценила его игру. Но зато уж теперь...

Динка зажмуривает глаза и стискивает на груди руки. «Первым долгом... первым долгом, на другой же день, я оседлаю Приму и поскачу к нему в лес. Он, наверно, как всегда, сидит за сапожным столиком со своим сынишкой Иоськой... Отдам ему канифоль».

«Здравствуйте, Яков Ильич! Вот я привезла вам канифоль, вы жаловались, что всегда теряете ее...»

«Здравствуйте, барышня! Иосенька, дай барышне стульчик...»

Забывшись, Динка низко кланяется, говорит вслух... и Мышка поднимает голову.

– Господи, Динка! Ты ляжешь сегодня спать? – сонным голосом спрашивает она. – Ведь ты же прекрасно знаешь, что каждый год Ефим приезжает под утро, еще можно хорошо выспаться!

– Ну и спи, а я не хочу! У меня много дел!

Динка закрывает свой ящик и подходит к окну. Теплый-теплый весенний вечер... Ох, скорей бы ехать! Но где же этот Ефим? Ну что бы ему стоило хоть один раз приехать с вечера! Тогда можно было б умчаться с последним поездом... Нет, это, конечно, не годится, в лесу темно... Надо раньше отправить Ефима и самой бежать на вокзал... Как раз рассвет, хорошо...

Динка смотрит на пустынную улицу. Тихо-тихо стоят ряды каштанов, неслышной поступью поднимаются они вверх вдоль тротуаров. То ли луна, то ли тусклые огни фонарей освечивают на их листьях...

– Ночь идет, как тихая монашенка, строгая подружка солнечного дня... задумчиво шепчет Динка.

У нее теперь часто сами по себе складываются какие-то рифмованные строчки – не то стихи, не то просто приукра-

шенные мысли, в подражание любимым поэтам. Писать настоящие стихи Динка не умеет и даже не пробует.

– А ты бы попробовала, – уговаривала ее иногда Мышка.

– Ну что ты! – смеялась Динка. – Меня только на две строчки и хватает! Побормочу для себя и успокоюсь.

Но Мышке, зачитывавшейся Ахматовой, Блоком и другими поэтами, обязательно хотелось видеть в сестре хоть какие-нибудь проблески поэтического таланта.

– А ты прислушайся к себе, ведь вот у тебя рождаются какие-то строчки и мучают тебя...

– Да ничего меня не мучает, не стану я с этим и связываться! Еще чего не хватало!

Я не поэт – поэтому
Я не пишу стихи,
Не стану в ряд с поэтами,
Не пустят в рай грехи!

весело отвечала Динка.

Но Мышка старательно собирала и записывала каждую услышанную от сестры строчку. На себя она не надеялась, а вот на сестру... Вдруг в ней что-то проявится...

– Проявится! Как же! К шестидесяти годам напишу тебе первые стихи про любовь...

Приду к тебе старушечкой
Читать стихи свои...

И нас с тобой под липами
Освищут соловьи...

хохотала Динка.

– Да ну тебя! – отмахивалась Мышка. – Ты просто ленивая.

– И ленивая и бесталанная! – весело соглашалась Динка.

Такие разговоры часто бывали между сестрами, но с тех пор как Мышка поступила в госпиталь, они совершенно прекратились, у Мышки не хватало ни сил, ни времени на чтение стихов, и только один сборничек, «Четки» Ахматовой, она все-таки возила в своей сумке с медикаментами. А Блока клала под подушку, надеясь почитать вечером.

Динка с нежностью смотрит на спящую сестру, потом снова на пустынную ночную улицу. Как тихо! Хоть бы стук колес, скрип телеги... Но еще не время. «Может, и мне поспать?» – думает Динка и, придвинув к кровати свой ящик, усаживается на него, положив голову на подушку.

Динка спит так крепко, что даже не слышит знакомого стука колес во дворе, не слышит, как, сорвавшись с кровати, бежит по лестнице Мышка и громко спрашивает:

– Ефим?

Не слышит она и тяжелых шагов Ефима, когда он, осторожно ступая, носит вниз вещи. Во сне, словно издалека, доносится до нее приглушенный голос Мышки:

– Вот это мамино, Ефим... Осторожней, пожалуйста! По-

ложите куда-нибудь на самое дно. А это книги и Ленины учебники, как бы их не промочило дождем...

– Дождю нет, дорога хорошая... – отвечает Ефим.

– А вот эта корзинка моя. Ну, ее куда знаете. А вот Динкин ящик, только она спит на нем. Никак не хотела ложиться, – озабоченно говорит Мышка; ей жаль будить сестру. – Может быть, она сама проснется?

– Ну, мне невозможно ждать, пока она проснется. Дорога дальняя, надо поспешать. А ну, отступитесь трохи, Анджила, я ее сам переложу на постелю.

С тех пор как Мышка поступила в госпиталь, Ефим начисто забраковал ее ласковое детское прозвище «Мышка».

– Самостоятельна дивчина, сколько раненых за день перевязует, а ее яким-то котячьим именем прозывают, – недовольно ворчал он.

– Да не котячьим, а мышиним, – смеялась Динка.

– А где мышь, там и кошка. За что ж таку хорошу дивчину обижать, Ну, нехай уж Анджила, да и то не по-христиански... Я просто удивляюсь! Образованные люди и душевные, а вот имя подобрать як положено не могут. Ну что это за имя Анджила!

– Да не Анджила, а Анжела или Анжелика, – поясняла ему Динка, но Ефим махал рукой:

– Хрен редьки не слаще.

С Мышкой вообще он обращался так же, как с Мариной, нежно и уважительно, зато с Динкой и Леней был на «ты»

и держался по-свойски.

– А ну перекладайся на постелю, Динка, бо останется твой ящик у городе! – осторожно трогая Динку за плечо, говорит Ефим.

Но Динка еще крепко цепляется за сон.

– Не надо, не надо, – бормочет она, – мне и тут хорошо!

– Уж чего лучше! Голова на подушке, а тулово на ящику!

А ну вытягуйте ящик, Анджила, а я ее подниму!

Знакомый голос и «спотыкающееся» имя сестры окончательно отрезвляют Динку, и она сразу вскакивает.

– Ефим... Ты уже приехал? И Прима тоже приехала? – сонно тараща глаза, спрашивает Динка.

– А як же! Мы обои приехали, – смеется Ефим.

Мышка тоже смеется.

– Как же так? Значит, я проспала! А где же, где же Прима, Ефим?

– А вон Прима, на телеге сидит как барыня и кушает овес! – острит Ефим, кивая на окно. – Ну, давай твой ящик!

Но Динка уже роется в карманах и достает завернутый в бумажку сахар.

– Подожди, Ефим... Отнеси это Приме... Вот хоть кусочек. Это пока, на хуторе я еще дам, – словно извиняясь, говорит Динка.

– А чого ж ты сама не отнесешь? Выйди хоть поздоровкайся со своей конячкой, она тут во дворе стоит!

– В самом деле, что это еще за выдумки, Дина? – строго

спрашивает Мышка. Почему ты сама не идешь?

– Я не пойду! Я не хочу видеть Приму, запряженную в телегу... Я увижу ее на лугу, на хуторе... Я так мечтала об этом! Ефим, миленький, отнеси сам, пожалуйста!

– Да отвыкла она от твоего сахару! Вот уж, ей-богу! Все не как у людей! Лошадь, она и есть лошадь, и нема чего тут придумывать! – ворчит Ефим, вскидывая на плечо ящик и держа в кулаке сахар. – Ну, бувайте здоровы! Ожидайте меня к обеду, як, бог даст, все будет благополучно. Там Марьяна борщу наварит! А пока лягайте обеи спать, бо ночь короткая! Сестры ложатся. Динка уже не спорит. Она еще успеет на утренний поезд. А сейчас так хочется спать!

* * *

Выезжает Динка поздно, когда Мышка уже давным-давно убежала в госпиталь, а на вокзале и в дачном поезде полным-полно народу.

«Проспала, – с досадой думает Динка. – Теперь Федорка, наверно, уже двадцать раз выбегала встречать меня...»

Но в окно вагона видны уже поля и перелески, знакомые станции, и сердце Динки нетерпеливо бьется. Святошино... Ирпень... Буча... И вот наконец Ворзель. Динка прыгает на платформу, торопливо шагает мимо дач, мимо железнодорожного переезда и останавливается на лесной опушке. Сколько раз за эти годы, едва сойдя с поезда, она мчалась

сюда не переводя дыхания! Размахивая своей матроской и сбрасывая на бегу сандалии, она мчалась так, как будто за ней гналась вся гимназия, все учителя и классные дамы! И только здесь, в этом могучем укрытии леса, она чувствовала себя свободной, счастливой девчонкой!

Но сегодня... Этот зеленый сумрак и густая притаившаяся тишина... Этот шорох крыльев перепархивающих с ветки на ветку птиц... Может быть, все стало по-новому? Или она не прежняя Динка? Нет-нет, все прежнее... И лес, и птицы, и она сама... И даже ее матросская блуза с синим воротником... Динка медленно идет по лесной дороге, заплетая и расплетая свои косы. Ей кажется, что старые дубы встречают ее как чужую – так сумрачно в их темно-зеленых ветвях. Может быть, им мало солнца?

Зоркие глаза Динки замечают свежесрубленные деревья; широкие пни, еще влажные, темно-розовые, кажутся ей живыми, оплакивающими свою жизнь. Динка пробирается к одному такому пню, ей вспоминается высокий красавец дуб, который стоял на этом месте... Кто же и зачем срубил его?

«Бессовестные, бессовестные люди...» – с горечью думает Динка, оглядывая лес. Но взгляд ее вдруг останавливается на солнечной полянке; вокруг нее, словно играя в прятки, разбегается веселый молодняк, за широкими спинами дубов прячутся тоненькие березки, распушилась и присела в траву зеленая елка, разбежались кто куда осинки, шелестят кусты орешника, а за ними выглядывает черемуха...

И Динке вдруг делается безотчетно весело, она вспоминает, что где-то здесь, в лесу, ее ждет Федорка.

– Ау! Ау!.. – кричит Динка, и откуда-то из глубины леса доносится радостный, ответный голос:

– Ау!..

Глава третья

Хуторская подружка

– Ау! Ау! Динка!..

– Ау! Федорка!..

Не разбирая дороги, мчатся навстречу друг дружке девочки и, сшибаясь на лесной тропинке, со счастливым смехом замирают в крепком объятии. С шумом проносятся над ними птицы, из-за тяжелых ветвей дубов машут белыми платочками березы.

– Вот и прошла зима. Федорка! – радуется Динка.

– Пройшла! Пройшла! – подтверждает счастливая подружка.

– Вот мы и опять вместе!

– Эге ж! Эге ж! – кивает головой Федорка.

– Солнце, лето! Какое это счастье, Федорка! – закидывая голову и глубоко вдыхая лесные запахи, говорит Динка.

Но Федорка уже ничего не подтверждает, сияющими глазами вглядывается она в лицо подружки и робко спрашивает:

– Ну, як ты?

Динка улавливает в ее голосе тревожные нотки и, словно очнувшись, быстро говорит:

– Ничего... Экзамен я выдержала. Мне остается только один восьмой класс. А Мышка уже работает в госпитале. А

Алина... – Какая-то тень проходит по лицу Динки, и медленно, словно снимая паутину, она проводит ладонью по лицу. Алина пишет иногда... Не жалуется...

– Ну, дай ей боже... Дивчина замуж вышла. За кого схотела, за того и вышла. Чего ж ей жаловаться? – поспешно говорит Федорка.

– Конечно... Она и не пожалуется, если б даже ей плохо было, – говорит Динка. – Но зачем он увез ее так далеко...

Перед глазами Динки встает темный перрон и красные огоньки уходящего поезда... Динка знает: пройдут годы, но она уже никогда не забудет эти красные огоньки, как не забывает опустевшую после отъезда Лины кухню, как не забывает прощанье на пристани с Марьяшкой, как не забывает поезд, увозивший Катю... И многое другое.

Федорка с тревогой смотрит на подругу, боясь прервать непонятное ей молчанье, но Динка поднимает голову и, щуря глаза, словно разглядывая что-то в ветвях деревьев, бросает сквозь зубы злые слова:

– Это то же, что запустить руку в теплое гнездо и вытащить оттуда беспомощного птенца. Я ненавижу свадьбы, Федорка, я с детства ненавижу свадьбы!

– Ой, боже! – всплескивает руками Федорка. – Ну чего ты сердисься! Дивчина вышла замуж за хорошего человека, а она сердится! Ведь на том же и свет стоит! Парубки женятся, девчата выходят замуж... Так же не можно, Диночка, степенно уговаривает подругу Федорка. Она уже давно привыкла к

быстрой смене настроений своей городской подружки и навсегда усвоила себе в обращении с ней степенную материнскую мудрость. – Не мучай себя, голубка... – мягко говорит она, прижимая к щеке Динкину руку. – Все перемелется, как говорят старые люди...

Федорка почти ровесница Динки, но все в ней уже девичье: и походка, и стать, и разговор с искринками смеха, и лукавая ямочка на подбородке. Сегодня для встречи подружки Федорка нарядилась по-праздничному. Ловко сидит на ней вышитый цветами бархатный герсет, тихо позванивают на шее бусы. Круглое румяное лицо Федорки совсем такое, как поется в украинской песне: брови как шнурочки, глаза как звезды, ресницы стрельчатые, губы розовые, смешливые, а за ними два ряда мелких, как у мышки, зубов.

– Федорка, как ты выросла! И какая красивая стала! – замечает вдруг Динка и, остановившись среди дороги, с восхищением смотрит на подругу. – Да когда же ты так выросла, Федорка? – с удивлением говорит Динка; она чувствует гордость за подругу, и почему-то жалко ей ту маленькую дивчинку в белом платочке, что пряталась в трех березах. Жалко и себя, безудержно веселую, озорную девчонку. – Когда же, когда же мы так выросли, Федорка? – недоуменно и грустно повторяет она, мысленно пробегая глазами лето, зиму, еще одно лето и еще зиму. Сколько их было, этих лет? И сколько горя, сколько слез унесли они с собой... Федорка, Федорка... – испуганно шепчет Динка, – как же, когда же это

все случилось?

– Та годи тебе! – хохочет Федорка. – Дывыться на мене, як на старуху! Конечно, что мы уже не диты! А чего ж тоби треба? Молоди девчата... Ось, слухай, песня такая есть:

Росла, росла дивчинонька,
Тай на поле стала...
Ждала, ждала миленького,
Тай плакаты стала...
Ой, горенько мени з тобою,

– заливається дробным смехом Федорка.

– Ха-ха-ха! – залилась и Динка, потом вдруг оглянулась на лес и с горечью сказала: – Лес рубят... Уже столько деревьев загубили! Кто же это, Федорка?

– А я знаю? Кому надо, тот и рубит! Нашла о чем плакать... Тут люди пропадают, а она об деревьях беспокоится... Война... – сурово говорит Федорка.

Но Динка быстро перебивает ее:

– Война скоро кончится!

– Как это кончится? В августе два года будет... Может, что-нибудь слышно в городе? – с надеждой спрашивает Федорка. – Только у нас таких слухов нет. Гонют людей, как скотину. Тут один с госпиталя выписался, так он бог знает чего рассказывает... – Федорка боязливо оглядывается, но в лесу тихо, только где-то в кустах стрекочут птицы. Федорка тянет подругу в сторону от дороги и, зайдя в самую гущу,

усаживается на траву. – Садись. Много чего переговорить надо...

Динка покорно опускается рядом и выжидающе смотрит в лицо подруге.

– Ой, изболело сердце мое. Что на свете делается... Тот солдат говорит, что немцы прут со всех сторон, а у наших хлопцев всего недостача. Нечем от ворога обороняться, гонют их с голыми руками. Да еще какой-то главный генерал на ту сторону предался. Что ж это будет, Диночка, подружка моя?.. – Федорка вдруг всхлипнула и, прижавшись к Динкиному уху, зашептала: – Погубит той солдат Дмитро... Зовсим он ему голову заморочил...

– А при чем тут Дмитро? – удивилась Динка.

– А вот слухай... Ты ж ничего не знаешь. – Федорка вытерла кончиком платка светлые, как росинки, слезы и припала к плечу подруги. – Зимой, как померла у Дмитра маты, так остался он один, как той дубок в поле. Ну, а мы с ним с детства дружили. Как двойняшки, бывало, всё вместе... – Ну дак жалела я его... То рубаху ему постираю, то сала у матери стащу... И он тоже слушал меня. Бывало, как ни заспорим, все мой верх...

– Да, я помню, – усмехнулась Динка.

– Ну вот! А теперь же он один в хате. И постучался раз ночью до его человек... Шинель на нем рваная, сам худой, одни кости, стоит под окном, на костыль опирается. Без ноги, значит... Ну, попросился переночевать. Дмитро, конеч-

но, пустил его в хату, отрезал ему хлеба, всыпал в миску борща... Ну, разговорились, конечно, обо всех новостях... Солдат и говорит: «Я, говорит, сам с госпиталя, выписали меня на все четыре стороны. Только идти мне, говорит, некуда; потому как я раньше у старшего брата за батрака был, а теперь я калека, а у брата жена настоящая ведьма. Сам-то брат принял бы меня, но она нипочем не желает... Вот и хожу я по дворам, где что кому починить, сам я бондарем могу работать и сапожником, на чужой шее сидеть не буду». Вот и пустил его Дмитро – живи, места хватит...

– Ну и хорошо, – кивнула головой Динка.

Федорка покачала головой:

– Оно бы и хорошо, почему не пустить человека? Да только язык у того солдата вредный. «Я, говорит, всего на этой войне насмотрелся и умных людей послушал. Сомневается, говорит, народ. За что мы кровь проливаем?.. Генералам да офицерам до солдата и дела нет. Вот искалечили меня да и выбросили как собаку. Околевай где хочешь...»

– Ну что ж, – вздохнула Динка. – Он же правильно говорит...

– Может, оно и правильно, ну так держи про себя, а то как почнет всех ругать. А то посядают рядом с Дмитро и всё бумажку яку-то читают...

– А что ж в той бумажке написано? – заинтересовалась Динка.

– А я знаю что? Хиба они мне скажут? Чула только, что

там и за самого царя и за царицу прописано... А Дмитро развесит уши и слушает. Уж я его прошу: выпроводи ты этого солдата от греха, – а он злится! Куда там! Этот солдат ему теперь лучше родного отца стал! – с горечью махнула рукой Федорка.

– Вырос, наверно, Дмитро... – задумчиво сказала Динка, и перед глазами ее вдруг встал застенчивый кареглазый подпасок с переброшенным через плечо серым армяком, вспомнилось, как еще в первые годы ее жизни на хуторе Дмитро пожаловался на приказчика Павло, который избил его, а Динка, утешая Дмитро, сказала, что скоро будет революция и тогда они побьют всех панов и царя.

«А на что мне тот царь? – обозлился вдруг Дмитро. – И за что я его буду бить, как я его и в глаза даже не видел! Ни он меня, ни я его! И пан тоже мне ни к чему! Вот приказчик Павло – это другое дело!»

Динка всегда считала Дмитро тупым, неразвитым мальчишкой, а вот прошло два-три года и случайно зашедший в село солдат сумел чем-то заинтересовать Дмитро, читает с ним вместе какую-то бумажку – может, прокламацию...

– Дмитро... Я давно его не видела. Прошлым летом его куда-то посылали за коровами? – живо заинтересовавшись, спросила она примолкнувшую Федорку.

– Ну да! У пана под Житомиром еще одно имение, да вот оттуда они с приказчиком коров пригоняли, ты его и не видела! А сейчас и не познаешь уже! Настоящий парубок стал!

Только характер его испортился, не слушает меня! А про солдата хоть говори, хоть не говори – всё мимо ушей пропускает! – пожаловалась Федорка.

– А ты не говори. Не ссорься с Дмитро. Он не должен тебя слушаться в этом деле, Федорка! – строго сказала Динка.

– Ну, так тому и быть, – вздохнула Федорка, поднимаясь. – Может, я и вправду зря на него нападаю. Ходим лучше скорее, бо мамка моя вареники для тебя лепила, наверно, сердится уже, что нас долго нет.

Девочки молча вышли на дорогу. Взглянув на расстроенное лицо Федорки, Динка обняла ее за плечи.

Федорка растрогалась.

– У меня еще один разговор есть. Ну, то уж на свободе, а то как почуе маты, то весь веник об меня обломает!

– Все еще бьет? – удивилась Динка.

– Ну, а кто ж ей воспретит? Она ж маты...

– Так тем более. Сама родила и сама бьет! Чепуха какая-то, – сердито сказала Динка.

– Ну, это уж так полагается... Да не то обидно, что бьет, а то обидно, за что бьет... Ну, добре, об этом мы потом побалакаем, – заторопилась Федорка, завидев на крыльце мать. – Молчи зараз!

Глава четвертая

Хата с краю

Федоркина хата под самым лесом, на краю панской экономики. Старая эта хата напоминает засыпанный сосновыми иголками гриб; крохотные окошки лежат на завалинке, крыша покрыта зеленым дерном, и как веселая насмешка над этим убожеством белеет новое крылечко из свежеструганных досок. На гладеньких ступеньках копошатся младшие братишки Федорки, кряхтя, взбираются на крыльцо и задом ползут обратно.

Мать Федорки, Татьяна, такая же круглолицая, как дочка, с тоненькими морщинками под голубыми глазами, встречает гостью на крыльце.

– Ну, слава господу, приехала наша Диночка! А уж моя Федора с утра голову потеряла! Бегает да бегаёт по лесу, гукает! «Да чего ты, кажу, бегаешь? Задержуется человек по своим делам!»

Она крепко обнимает Динку и ведет ее в хату.

– Сядайте, сядайте, Диночка, за стол! Зараз будем вареники кушать! Вы ж мои варенички завсегда любили, – ласково приговаривает Татьяна, усаживая Динку за стол и вынимая из печи большую миску с горячими варениками. На столе разостлан чистый домотканый рушник, на нем золотистые,

свежие коржи. Динка сразу чувствует волчий аппетит и по старой детской привычке без всякого стеснения вытаскивает из миски огромный черный вареник.

– Вот, Диночка, дожили мы до якого часу – нема ни крошки белой муки. Просеяла житною да и слепила вареники. Може, не понравятся вам? – беспокоится Татьяна.

– Ну что вы! Я сроду ничего вкуснее не ела! – весело уплетая вареники, уверяет ее Динка.

Федорка тоже ест вареники, но берет их осторожно, чтоб побольше досталось гостю. Татьяна любовно смотрит на Динку, проводит заскорузлой рукой по ее косам, мягко улыбается.

– От яки косы вырастила! И сама вытянулась, як той тополек! Да вот и моя Федорка тоже подросла... – Татьяна озабоченно смотрит на обеих девочек. Мабуть, скоро замуж пора вас отдавать, – шутит она, но моложавое лицо ее грустно и сквозь шутку слышится материнская тревога. – За кого только отдавать, все хлопцы на войне, а возвернутся, тоже радости мало: все хозяйства порушены, скотину кормить нечем... А немец тем часом все ближе подступает.

– Та годи вам, мамо, и чего вы таку панику наводите... Накладайте лучше еще вареников, бо Динка голодная!

С матерью Федорка говорит особым тоном, капризным, ворчливым, не допускающим возражений, вроде держит мать в узде, и мать слушается дочки, хотя это не мешает ей, выйдя из терпения, трепать свою Федорку за косы. Но сей-

час мать поспешно хватает миску и бежит к печке.

– Зараз, доню, зараз! Ешьте на здоровычко, я богато на-лепила!.. А вы геть отсюда! – шлепая полотенцем карабкающихся на скамью ребятишек, кричит она. Пораскрывали рты, как галчата. Ведь только-только кормила я вас, да не накормишь никак, прости господи!

Насытившись, Динка разглядывает знакомую с детства федоркину хату, привычно гладит русые и белые головенки федоркиных братиков и сестричек. Сколько их, кажется, и сосчитать невозможно! Федорка – вечная нянька, нянчилась с ними и Динка, приезжая летом на хутор. Мучились они с этими малышами и играли в них, как в куклы. Приведут, бывало, к Динкиному пруду, выкупают, посадят на песочек, а сами выстирают их рубашонки, разложат на траве сушиться, и Динка бежит домой, шарит в буфете, прячет в карман сахар, а то, залетев в кухню, хватает прямо со сковородки горячие котлеты.

– Куда ты? – кричат ей из дома, а Динки уже и след протыл, она уже на пруду, кормит вместе с Федоркой своих галчат.

С нежностью вспоминает все это Динка. Подросли за зиму Федоркины ребятишки, а помнят ее, улыбаются лукавые рожицы, прячась под стол. Динка поспешно роется в карманах и сует в их грязные ручонки дешевые конфеты в бумажках.

– О, бачишь, яка баловница приехала, теперь разве выго-нишь их с хаты? – выкладывая на рушник лепешки, добро-

душно ворчит Татьяна и, присаживаясь на лавку, с робкой надеждой смотрит на Динку. – Ну, а что ж там в городе за войну балакают?

Но Динка не успевает ответить, потому что на пороге вдруг появляется Дмитро. Только Дмитро ли это? В таком же армяке, накинутом на плечи, в вышитой по вороту рубашке, но это уже не подпасок, ухарски щелкающий кнутом, и даже не тот Дмитро, с которым они позапрошлым летом учились стрелять из обреза. Теперь это уже не хлопчик, а настоящий парубок, и только круглые карие глаза и смущенная улыбка напоминают прежнего тихого подпасака.

– Здравствуйте, – говорит парубок, снимая шапку. На коротко стриженной голове у него оставлен мягкий чуб, он все время падает на лоб, и Дмитро осторожно приглаживает его ладонью.

– Здравствуй, Дмитро! – вскакивает ему навстречу Динка.

– Здравствуйте, – смущенно повторяет Дмитро, отводя глаза и как бы нехотя протягивая руку.

– Здравствуйте, Дмитро! – в тон ему повторяет Динка.

За столом, давясь варениками, заразительно хохочет Федорка:

– Бачилы, яки у них церемонии!

Дмитро тоже смеется и уже крепко, по-дружески жмет Динке руку.

– Ну, сядай, раз пришел, – поджимая губы, говорит Татьяна.

Она что-то имеет против этого гостя, но Федорка бросает на нее быстрый сердитый взгляд и, придвинув к столу табурет, усаживает Дмитро за стол:

– Вот, ешь вареники. Хлеба бери!

– Да я не хочу! Я не голодный, – упрямится Дмитро.

– А я говорю – ешь! – сердится Федорка.

– Да что ты его приневоливаешь? Не хочет человек – так нет, пристала как репей! – раздраженно гремит заслонкой мать.

– А я кажу – ешь, – настойчиво шипит Федорка.

Дмитро нехотя берет вареник черной от загара рукой и смотрит на Динку:

– Ну, что слышно в городе?

– То же, что у вас, – говорит Динка. – Ведь подумать только, второй год война идет, солдаты не вылезают из окопов. Разутые, раздетые... Вася пишет, зимой прислали сапоги, и всё какие-то недомерки, у всех ноги растерты, портянки от пота и крови заскорузли... А кому дело до солдат? Посмотрели бы, что в госпитале делается, когда раненых привозят! Класть негде! Мышка по два дня домой не приходит. Ужас какой-то! Бросили людей на бойню с голыми руками! Ничего толком не заготовлено! Пушек нет, ружей и тех не хватает! А кому нужна эта бойня? Солдаты не хотят драться! – возбужденно говорит Динка.

Дмитро поднимает голову и торжествующе смотрит на остолбеневшую Федорку.

– Да что же это ты, Диночка, говоришь? Солдат – он человек, призванный на военную службу, тут хочешь не хочешь, а свою землю от врага оборонить надо! – всплескивает руками Татьяна.

– А то его земля? Панская земля! – сердито вступает в спор Дмитро. – Когда б за свою землю, так каждый пошел бы! В чем стоит, в том и пошел бы! – дергая свой армяк, горячится Дмитро.

– Вы не понимаете, Татьяна, – торопится ему на помощь Динка, но Татьяна, не слушая ее, наступает на Дмитро:

– Смотри какой пан объявился! Да где ж у солдата та земля? Ну вот, к примеру, у тебя, Дмитро, – где твоя земля? Або у нашего батька?

– Так ведь про то же и говорим, – снова беспомощно вступает Динка, но Татьяна машет рукой.

– Обожди, Диночка, обожди! Нехай он мне сам ответ подаст... Нехай скаже, где его земля?

– Земля скрозь наша, крестьянская, не паны ее своим потом поливали, а мужики... Вот и придет такой час, когда надо будет отбивать ее от панов, вот тогда и драться будет за што! – сердито говорит Дмитро.

– Ой, божечка, божечка! – всплескивает руками Татьяна. – Да кто ж с тобой, дурень, даже балакаты будет? Скрутят тебе паны по рукам, по ногам, ще и в железо закуют!

– Не скрутят... – усмехается Дмитро.

– Да что ж он один, что ли, будет? – врывается опять Дин-

ка. – С ним весь народ встанет! Вы думаете, народ ничего не понимает, да? Посидите-ка в окопах да послушайте, что солдаты говорят, тогда узнаете! Да рабочих в городе послушайте! – размахивая руками, кричит Динка, но Татьяна с горькой усмешкой смотрит на Дмитро.

– Ох ты ж смутьян, смутьян! – прижимая к щеке ладонь и качаясь из стороны в сторону, горестно причитает она.

– Хватит, мамо! Молчите хоть за ради бога! Почует кто из экономии, всем нам тюрьма будет! – кричит Федорка и, как испуганная птица, бежит к двери и выглядывает во двор.

– Всех в тюрьму не посадишь, – усмехается Дмитро.

– Молчи, дурень! Тебя первого схватят да и пристрелят как собаку!

– Ну годи, – поднимается Дмитро. – Извиняйте за беседу...

Напуганные ребята тихо сидят под лавкой. Динка, чтобы переменить разговор, вдруг спрашивает:

– А где ж у вас люлька? Всегда висела в углу, а сейчас нету?

– Яка, Диночка, люлька? – сморкаясь в передник, спрашивает Татьяна.

– Ну та, где новорожденные спят?

– А на что она нам? – улыбается Татьяна. – Повырастали дети, батька и снял!

– А разве у вас никто не родился этой зимой? – интересуется Динка.

– Обороны боже! – смеется Татьяна. – И так семеро с ложкой...

Федорка вдруг поднимает красное сердитое лицо.

– Не хватало еще! Да я б его, как котенка, придушила в той люльке!

– От комусь жинка будет! – неожиданно весело говорит Дмитро.

– Комусь будет. В девках не останется, – многозначительно бросает Татьяна.

– Добре, – неопределенно бурчит Дмитро и по-дружески трогает за плечо примолкшую Динку: – А что, Ефим, будет вас перевозить с города?

– Да, он уже поехал... К вечеру вернется. Ну, пока мы одни с Мышкой жить будем. Мама уехала, Леня тоже уехал...

– А Вася ваш где? – спрашивает Дмитро.

– А Вася на фронте. Давно уже...

– А Мышка, значит, коло раненых? Вот это ей самая работа. Вот же добрая душа, пошли ей господи! – вздыхает Татьяна.

Динка смущенно улыбается:

– Мы с Мышкой вам гостинцы приготовили, да они на подводе едут. И тебе, Дмитро, тоже... Я тебе складной ножик купила, а Федорке платочек.

– Да чего ты беспокоишься, Диночка, разве теперь такое время, чтоб подарки возить? – расчувствовавшись, говорит Татьяна.

– Да я только вам и еще Якову-музыканту канифоль для скрипки...

– Кому? – с ужасом переспрашивает Татьяна, уронив полотенце.

– Мамо! – тихо и предостерегающе бросает Федорка.

Дмитро, шумно вздохнув, опускается на лавку.

– Якову Ильичу... для скрипки, – недоумевающе глядя на всех, повторяет Динка.

– Ой, боже! А я думала, кому это? – в смятенье говорит Татьяна, суетливо прибирая со стола. – Вот уж не догадалась бы... А на что он тебе, Диночка?.. Обыкновенный человек.

– Что вы, Татьяна! Это же замечательный музыкант! Играет Яков теперь на свадьбах? – спрашивает она Дмитро.

– Э... Яка вже ему свадьба, – машет рукой Дмитро.

– Молчи, дурень, – тихо огрызается Федорка и громко объясняет: – Какие теперь свадьбы? Нема никаких свадеб зараз. За войну только приказчик Павло оженился!

При имени приказчика Динка вспоминает давнюю мечту Дмитро сделаться старшим пастухом.

– А что, Дмитро, – улыбаясь, спрашивает она, – тебя уже сделали главным пастухом?

Но Федорка не дает товарищу раскрыть рот.

– Эге! Ему до старшего пастуха, как мне до неба...

– Ну да, как тебе до неба, – ворчит Дмитро. – У нас три пастуха, у меня у самого подпасок есть... А вот как помрет дед, так и старшим поставят! Только и делов!

– Жди, когда дед помрет! Он еще здоровый, как тот дуб! – усмехается Федорка.

Дмитро переминается с ноги на ногу, щеки его заливают темный румянец.

– Сегодня здоровый, а завтра может и помереть, – говорит он, задетый за живое насмешливым тоном Федорки. – Мало ли с чего человек помереть может. Схватит ему живот или болячка какая прикинется, а может, и убивец какой-нибудь гакнет по голове топором, – неожиданно увлекаясь, говорит Дмитро, не замечая предостерегающего взгляда Федорки. – Вот тебе и мертвое тело...

– Чего? – весело удивляется Динка и, подметив тревожные знаки Федорки, останавливается. Улыбка сбегает с ее лица. – Вы что-то скрываете от меня?

– Оборони боже! Что нам скрывать? Хиба ты не знаешь Дмитро? Он такое набормочет, что и век не разберешься! – обнимая Динку и ласково заглядывая ей в лицо, пытается успокоить Федорка.

Дмитро, чувствуя свою промашку, угрюмо стоит посреди хаты, почесывая ногтем свой обветренный нос.

– Не колупай носа! – кричит на него в раздражении Федорка.

– От характер! Никакой самостоятельности хлопцу не дает! – качает головой Татьяна.

– А мени без вниманья, – надевая шапку, говорит Дмитро и идет к двери.

– Подожди, Дмитро! Вместе пойдём... Спасибо за вареники! Приходи, Федорка! – приглашает Динка, выходя вместе с Дмитро на крыльцо.

Федорка с матерью провожают их тревожными взглядами.

– Эй, Дмитро, смотри у меня! – грозитя вслед товарищу Федорка.

Дмитро, не отвечая, машет рукой.

– Развели бабскую канитель, – хмуро бормочет он.

Глава пятая

Страшная новость

Динка не хочет идти через панскую экономию, они обходят ее узкой тропинкой вдоль забора: Динка – впереди. Дмитро – сзади. Динка идет молча, не оглядываясь. По правую руку ее далеко-далеко расстилается желтеющее поле, высокие колосья с сухим шелестом гнутся под легким ветерком, С пригорка уже виден утонувший в зелени хутор. Динка внезапно останавливается.

– Дмитро, – строго говорит она, – я хочу знать правду! Что вы скрываете от меня? Может, это касается Якова? Где он? Где его маленький Иоська?

Дмитро мнет в руках шапку, долго чешет затылок; лицо у него хмурое, взгляд убегает куда-то далеко, за желтеющее поле.

– Иоська-то, может, и живой... – нехотя мямлит он.

– Как это «может, живой»?.. А где Яков? – холодея, допрашивает Динка.

– Ну что тебе сказать?.. – Дмитро вздыхает и оглядывается по сторонам, словно боясь, что его услышит Федорка.

– Дмитро! Не играй со мной в прятки! Говори правду... Где Яков? – еще ближе подступает к нему Динка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.